

РАЗДЕЛ 2

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Ланской Г.Н.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

Становление историографии в качестве особой области исторических знаний, произошедшее в СССР в 1960-х гг. и, в частности, нашедшее отражение в обобщающих результаты ее развития фундаментальных исследованиях [3], стало закономерным основанием для определения ее информационной базы и методов работы с типичными для нее источниками. Естественной тенденцией, свойственной для данного процесса применительно к любым областям науки, стало определение осваиваемой объектной области, т.е. формирование собственной когнитивной идентичности.

Поскольку в России развитие практики профессионального получения и изложения информации о событиях близкого и отдаленного прошлого имело как минимум две – летописную и научно-исследовательскую – стадии со своим богатым внутренним содержанием и достаточно условной разделительной границей и кроме этого обеспечивалось в силу причин общественно-политического характера не только учеными, основатели историографии, как специальной исторической дисциплины, вполне закономерно предложили расширенный подход к определению ее объектной сферы. Уже в начале 1960-х гг., когда историография еще рассматривалась, главным образом, в качестве учебной дисциплины и только начинала на основании применения теоретических методов процесс самоидентификации в качестве автономной области научных знаний, А.М. Сахаров пришел к убеждению в том, что она имеет «свой предмет, свою проблематику, свои приемы исследования и обобщения материала, вытекающие из общих принципов марксистско-ленинской методологии изучения исторических явлений и процессов» [4, с. 22]. Постепенно, по мере освоения всей совокупности историографических фактов, включавших в себя выявляемые и интерпретируемые тексты, содержащиеся в данных текстах аргументы и выводы, прямо или косвенно связанные с развитием исторической мысли события, исследователи к концу 1980-х гг. нашли решение первой, имеющей исходное значение методологической проблемы источниковедения историографии – определения ее объекта и предмета. В наиболее полной мере оно оказалось представленным в статье С.О. Шмидта о периоде 1920–1930-х гг. в становлении советской исторической науки, в которой он на основе созданных на его протяжении источников пришел к следующему выводу: «Работа в области историографии в последние годы убеждает в том, что утверждается более широкое понимание этого предмета. Становится все яснее, что историю исторической науки (и шире – развития исторической мысли, исторических знаний) нельзя сводить ни к концепциям (особенно глобально-методологического характера или откровенно политической направленности), ни к деятельности только виднейших ученых-исследователей, создателей научных школ, крупных организаторов науки, знаменитых влиятельных публицистов (философов, литературных критиков или политических деятелей), ни к изучению немногих сочинений, оказывающих воздействие и на последующие поколения» [6, с. 84]. Таким образом, к объектной области источниковедения историографии были отнесены любые историографические факты, включая создаваемые различными авторами труды, посвященные событиям прошлого.

Одновременно с решением данной исследовательской задачи закономерно вставала вторая методологическая проблема, заключавшаяся в формировании собственной методики анализа текстов, содержащих ретроспективную информацию. Ее особенность заключалась в необходимости одновременного определения фундаментальной базы для объективного изучения источников и установлении возможности ее прикладного применения по отношению к летописным произведениям, содержащим специально подготовленную базу в виде исторических фактов публицистическим сочинениям и к научным трудам в точном понимании данного понятия. Создаваемая когнитивная модель должна была иметь универсальный характер для преодоления возможного субъективизма в восприятии каких-либо конкретных исследований и содержащихся в них концепций. По существу речь шла о формировании самодостаточной и при этом естественно опирающейся на свой аналог в области развития исторического знания в целом методологии историографии как специальной исторической дисциплины. В рамках развития отечественной науки критерии результативности данного процесса были определены в конце 1970-х гг., когда не только на основе положений марксистской теории, но и контексте базовых представлений о научности социально-гуманитарных знаний было подготовлено большое число обобщающих трудов. Являвшийся автором одного из них Н.Н. Маслов сделал следующий, на практике относящийся ко всем предметно-

профессиональным областям исторического знания вывод о том, что помимо философской базы в виде диалектического и исторического материализма «еще одним компонентом методологии истории является ее теория или, конкретнее, те специфические исторические категории и закономерности, которые входят в определение предмета исторической науки и, следовательно, выступают как цель исторического исследования. Будучи познанными и сформулированными, эти теоретические положения содержатся в методологическом арсенале исторической науки в качестве познавательных, регулятивных принципов и правил» [2, с. 9–10]. Безусловно при формировании когнитивной модели для развития источниковедения историографии в конце 1970-х гг. советские исследователи могли опираться только на позитивистский подход и к тому же оценивать степень «позитивности» содержащихся в историографических источниках доводов и концепций исходя из их соответствия господствовавшей и более того законсервированной в тот период партийно-государственной идеологии. Однако при этом за рамками возникавших в данной когнитивной сфере штампов для экспертной оценки создававшихся текстов, несомненно, подразумевалась и использовалась апробированная на многочисленных примерах триада оценочных критериев в виде репрезентативности используемых историком источников, обоснованности методики их анализа и соответствия формулируемых им выводов достоверным информационным данным.

Многообразие анализируемых историографических источников, обусловленное расширенным за рамки научно-исторических трудов объектным когнитивным пространством историографии, является основанием для возникновения третьей методологической проблемы источниковедения историографии. Ею является классификация данной совокупности продуктов целенаправленной творческой деятельности по признаку цели их создания. Актуальность данной проблемы периодически становится особенно очевидным в ситуациях, когда в соответствии с административными рекомендациями и личной – добровольной или вынужденной – мотивацией многие авторы создают новые субъективные интерпретации различных исторических периодов и относящихся к ним явлений особенно в случае их циклического характера. Данная ситуация в сфере развития интеллектуальной истории является особенно распространенной в случае обострения геополитических конфликтов на территориях, оказывающихся в силу своего объективно неизменяемого пространственного положения в сфере противоборства институциональных и, следовательно, персонафицированных акторов. Опыт развития различных стран показывает, что становление централизованных государств с реализуемым в них авторитарным типом политического режима не может не сопровождаться стратегией фрагментарного или в отдельных случаях тотального подчинения исследовательской деятельности профессиональных историков решению задачи установления и закрепления идеологического (духовного) типа власти над широкими слоями общества. Независимо от обозначения данного процесса в качестве генерирования информационных элементов национальной идеи в массовом сознании, осуществления культурно-просветительской деятельности или искоренения фальсифицированных представлений о недавнем и отдаленном прошлом он всегда сопровождается распространением особого – политического – типа историографических источников. Продуктивность внедрения и использования на методологическом уровне данной классификационной категории определяется тем, что она базируется на применении принципа историзма по отношению к значительному комплексу текстов, содержащих изложение и интерпретацию исторических фактов. В рамках отечественного интеллектуально-исторического наследия к их составу с достаточным основанием могут быть отнесены не только известные широкому кругу специалистов произведения создателей и руководителей советского государства, но и далеко не всегда соответствовавшие критериям научности и исследовательского профессионализма преимущественно литературно-художественные сочинения основоположников революционно-демократической мысли в России [1]. Определяя типологические границы совокупности историографических источников политической направленности, несомненно следует учитывать тот факт, что при выдвижении гипотезы об принадлежности к данному комплексу необходимо найти ее обоснование в достоверных, исходящих от лица самого историографа свидетельствах о намерении их создания с целью распространения и укрепления различных видов политической власти. Для преобладающих в составе источниковой базы научных произведений целью создания является формирование объективных представлений о различных событиях прошлого. О ее постановке за редко встречающимися исключениями свидетельствуют включенные в структуру и содержание историографических источников текстовые элементы, являющиеся результатами (индикаторами) осуществленной конкретными авторами исследовательской работы. Прежде всего к их числу относятся сведения о проведенной работе по выявлению репрезентативного комплекса документов и иных верифицируемых материалов по конкретной теме и их отбору и систематизации по научно обоснованным критериям, а также формированию логически

обоснованных, причинно-следственных связей между содержанием фактических данных и выводами об их значении для развития исторического процесса.

Решение проблемы классификации и следующей за ней типологизации историографических источников становится основанием для постановки и решения применительно к конкретным текстам методологической проблемы определения достоверности историографических источников. В период становления и начального развития в советском государстве историографии в качестве специальной научной дисциплины исследователи стремились к формированию максимально обобщенных критериев для решения данной проблемы, поскольку изучавшиеся ими тексты, в полной мере относившиеся к политическому жанру, должны были использоваться на равных когнитивных основаниях с трудами профессионально подготовленных специалистов. Поэтому в середине 1970-х гг., решая проблему идентификации предметной области историографических исследований и систематизации формирующих ее источников, А.М. Сахаров давал следующую рекомендацию авторам, занимавшимся изучением данного типа конкретных творческих произведений: «Знание становится наукой с началом исследования материала, формирования теории познания, критики исторического материала. При этом нельзя руководствоваться формальным признаком для отнесения тех или иных трудов к научным – дело вовсе не в объеме источниковой базы и, тем более, не в профессиональной принадлежности автора к ученым-историкам. Критерий здесь иной, а именно – глубина научного осмысления исторического явления и процесса» [5, с. 99]. С точки зрения решения рассматриваемой методологической проблемы данная рекомендация, с одной стороны, заключалась в отождествлении признаков научности и достоверности для историографических источников, поскольку получение объективных представлений о различных исторических событиях действительно является генетическим признаком полной или частичной принадлежности создаваемых текстов к достоверным. С другой стороны, она давала возможность относить к данной типологической категории практически любые произведения, интерпретировавшие содержание и значение различных периодов истории с достаточной степенью глубины, выступавшей в качестве верифицирующей категорией. Исходя из контекста доминирования в 1960 – 1980-е гг. в СССР ленинской версии марксистской методологии и абсолютизированного с точки зрения своей значимости принципа партийности глубинность становилась синонимом правильности или неправильности восприятия конкретных фактов и могла быть присущей практически любым авторам исторических сочинений независимо от уровня их профессиональной подготовки.

В то же время, несмотря на ее очевидный идеологический подтекст, высказанная в середине 1970-х гг. А.М. Сахаровым рекомендация использовать в качестве достоверных историографических источников различные по жанрово-видовой принадлежности произведения, дающие максимально полное и соответственно глубокое представление о различных периодах мировой истории, несомненно выглядит актуальной. Вполне очевидно, что при отборе и систематизации данного вида текстов для изучения и последующего использования в рамках изучения истории исторической мысли основной задачей является, также как и по отношению к остальным комплексам исторических источников, реконструкция замысла их авторов по отношению к познаваемой ретроспективной среде. Однако при этом в современных условиях в ситуации достигнутого на протяжении последних четырех десятилетий прогресса в области обеспечения междисциплинарности исследовательской работы, интеграции социальных и гуманитарных знаний в рамках сознания и мировоззрения профессионально подготовленных авторов, безусловно, существуют более широкие границы для определения феноменологических качеств объектов историографического нарратива. Благодаря им решение заключительной методологической проблемы определения достоверности историографических источников может быть обеспечено уже не только в рамках традиционной дихотомической модели «источник – факт», но и с точки зрения определения степени интеллектуальной готовности авторов данных текстов подойти к анализу событий прошлого одновременно с внутренней интеллектуальной насыщенностью и социальной ответственностью в выполнении своей культурно-просветительской миссии.

1. Иллерицкий, В. Е. Революционная историческая мысль в России: (Домарксистский период) / В. Е. Иллерицкий. – М. : Мысль, 1974. – 350 с.
2. Маслов, Н. Н. Методология исторического исследования (Введение в методологию историко-партийной науки) / Н. Н. Маслов. – М. : АОН, 1979 – 126 с.
3. Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. – М. : АН СССР, Наука, 1955–1985. – Т. 1–5.
4. Сахаров, А. М. Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР / А. М. Сахаров // Вопросы истории. – 1962. – № 8. – С. 13–28.
5. Сахаров, А. М. О предмете историографических исследований / А. М. Сахаров // История СССР. – 1974. – № 3. – С. 90–112.
6. Шмидт, С. О. К изучению истории советской исторической науки 1920–1930-х годов / С. О. Шмидт // История и историки: Историографический вестник. – М. : Наука, 1990. – С. 84–91.